

В.В. РАДЛОВ И ЕГО ТРУДЫ В КОНТЕКСТЕ ЧУВАШЕВЕДЕНИЯ

А.К. Салмин

Труды В.В. Радлова непосредственно о чувашах, генетически родственных с ними народах, а также об их исторических соседях имеют фундаментальное значение. Пока же радловские разработки чувашеоведами не приведены в стройный ряд. Наблюдения, излагаемые здесь, являются первой попыткой систематизации работ Василия Васильевича Радлова в контексте чувашеведения.

Лингвистика. Этимологи предлагают следующую сокращенную схему происхождения этнонима *чăваш* «чуваш»: *савир* → *сувар* → *сувас* → *суваш* → *чăваш*. О.Г. Большаков также считает верной указанную схему. В частности, он уточняет, что арабское 'с' часто заменяет отсутствующий в арабском языке звук 'ч', отсюда: *сувас* → *чувас* → *чуваш* [Большаков 1971:67]. Башкиры и татары до сих пор называют чувашей *сыуаш*. Пример из словаря В.В. Радлова: *Кірăк суваш, кĕрăк чĕрмĕш, кĕрăк ăр, кĕрăк нĕдĕ кĕшĕ булсын барысыда алланың, мĕндăлăрĕ икĕн!* «Будь это чуваша, черемисы, вотяки или другие какие-либо люди, все они рабы Божии» [Радлов 1899:1354-1355]. В.В. Радлов же зафиксировал этноним в форме *çăваш* [*çăваш, сьăваш*] [РАН, ф. 177, оп. 1. 107:2833]. Ссылаясь на надгробные памятники Волжской Булгарии, Азгар Мухамадиев также замечает, что буква *с* обычно пишется оригинальным образом: с тремя точками внизу. «Это явный признак того, что данная буква имела своеобразное произношение между буквами *с* и *ч*» [Мухамадиев 2011:37].

В 1871-1884 гг. В.В. Радлов, будучи в Казани, усердно изучал чувашский и черемисский языки. Для этого у него были все условия. И литература, и знатоки языков, и живая среда. Весьма примечательно, что крупнейший тюрколог В.В. Радлов не причислял чувашей в ряд исконных тюркских народов. Этот аспект Радлова-тюрколога почему-то крепко умалчивается. Так, в его работе “*Alttürkische Studien*” четко оговорено, что праязык чувашей первоначально был несомненно угро-финским, т.е. первооснова чувашского языка нетюркская [РАН, ф. 177, оп. 1. 30:6-9]. Также характерно, что в «Классификации тюркских диалектов (языков)», предложенной В.В. Радловым, «не упоминаются ни чувашский, ни якутский языки, т.к. носители этих языков, по его мнению, не тюрки, а тюркизированные племена» [Кононов 1982:211]. Хотя В.В. Радлов и не указывает исторические даты тюркизации чувашей, понятно, что эти явления берут начало с образования Тюркского каганата, но не ранее середины VI в. В это время савиры

обитали на Кавказе. Сюжеты тюркизации чувашей и ее исторические этапы Василием Васильевичем оговариваются в других работах. В работе «Phonetik der Nördlichen Türkssprachen» он, в частности, писал о переходе гласных звуков *y*, *u*, *a* в *a* в тюркизмах. 1-ый период – это переход *y* (*y*) → *a*. Например, *хырăм* → *qарун* «живот». На этом этапе слова заимствуются в очень искаженной форме. 2-ой период: *y* (*u*) → *a*. Чувашки заимствовали столько много тюркских слов в этот период, что постепенно стали правильно выговаривать тюркские звуки. Тем не менее, слова имеют искаженный вид: *хурăнташ* → *qарундаш* «родственник», *пуç* → *baš* «голова», *урпа* → *arba* «ячмень», *хуран* → *qazan* «котел». В 3-ий период чувашское *a* начинает соответствовать тюркскому *a*. Таким образом, взгляды чувашей и тюрков на звуки становятся вполне общими. Поэтому чувашки начинают тюркские слова выговаривать точно: *кажăк* «ложка», *кашкăр* «волк», *капкăн* «капкан», *пазар* «базар» [Radloff 1882:90].

Ряд исследователей, в том числе и В.В. Радлов [Радлов 1893:629; Ашмарин 1928:281; Егоров 1964:30], проводили этимологическую параллель между чувашским словом *апăс*, марийским *авызлат* «пробовать пищу (при молении перед едой)» и татарским *абыз* «почтительное лицо». Много тюркских соответствий в форме *абыс* и *абыз* в значении «русский священник» и «ученый мулла» (в алт., тел., шор., кач., кирг., казах. языках). В качестве этимона указывают на арабское слово *хафиз* «сберегающий», «хранящий», «помнящий наизусть» и связывают этот термин с мусульманской религией.

В.В. Радлов внес неоценимый вклад в лексикологию, в том числе и чувашей. Имею в виду, прежде всего, его фундаментальный «Опыт словаря тюркских наречий». На сегодняшний день это – наиболее полный свод тюркской лексики, где можно найти практически все нюансы значений слов. Возьмем, к примеру, слова *tör* и *törä*. Опыт изучения народных обрядов и верований позволяет эти два варианта считать краткой и полной формой одного слова. ¹*Tör* (кирг.) – «обычай». ²*Tör* – «передний угол, почетное место». ¹*Törä* (осм.) – «обычай, закон». ³ *Törä* (уйг.) – «правило, закон, обычай», осм. «нрав, обычай». Притом семантические окраски слов иллюстрируются В.В. Радловым предложениями на тюркском, русском и немецком языках [Радлов 1905:1249-1250]. Приведенным примерам соответствуют чувашские *tür* «прямо; правда; милый» и *türe* «божество правды; судья; администрация» [Ашмарин 1937б:219-221].

Следует упомянуть его неопубликованный словарь под условным архивным названием «Смешанный словарь на карточках». Сохранилось 2888 карточек. В картотеке зафиксированы весьма редкие и уникальные примеры лексикологии. Вот некоторые примеры: *анăк* в значениях «щенок, кутенок»; *ама сурт* [*ама сурт*] «коренной дом»; *кайăк хурт пылĕ* «пчелиный мед»; *сăваш* [*сăваш*] «чуваш» [РАН, ф. 177, оп. 1.

107:1634,1726,1945,2833]. Многотомный «Опыт словаря тюркских наречий» и «Смешанный словарь на карточках» В.В. Радлова, вполне допустимо, могли стать прообразами для уникального 17-томного «Словаря чувашских слов» Н.И. Ашмарина. Тем более, эти два титана тюркологии в Казанский период были близкими по духу люди. Их научные контакты переросли в дружбу. Эти теплые отношения были продолжены и в Петербургский период Радлова.

А.А. Куник при написании статьи «О родстве хагано-болгар с чувашами по славяно-болгарскому Именнику» обращается к В.В. Радлову с просьбой высказать свое мнение по этому поводу. В 1867 г. В.В. Радлов из Барнаула прислал ответное письмо. В нем, в частности, говорилось, что это наречие очень близко к чувашскому, а болгарские числа стоят в близкой связи с чувашскими числами [Куник 1878:138,143].

Видный чувашский тюрколог М.Р. Федотов, заметил, что в 1916 г. В.В. Радлов завершил написание монографии «Древнечувашский язык» на немецком языке [Федотов 1982a:30]. Действительно, серия статей В.В. Радлова, опубликованная под названием «Alttürkische Studien» в 1909-1912 гг. в «Известиях Императорской Академии наук», его монография «Phonetik der Nördlichen Türksprachen» (1882 г.), а также неопубликованные, но сохранившиеся в его архиве рукописи на немецком языке «Исследования о чувашском языке» (47 л.), «Материалы для статьи о чувашском языке» (19 л.), «Грамматические формы чувашского языка» (12+7 л.), «Исследование о чувашском языке» (35 л.) однозначно свидетельствуют о серьезном намерении Василия Васильевича подготовить монографию, посвященную чувашскому языку. Очень жаль, цель осталась невыполненной. Причина тому – подорвавшееся здоровье академика.

Этнография. Высказывания В.В. Радлова и других исследователей по южному региону Западной Сибири актуальны в плане исследования проблем этногенеза чувашей, ибо предки чувашей *сенеры/сывыры* до I в. н.э. проживали в этих краях и имели непосредственные контакты с уграми.

Как известно, «Алтайский хребет, окаймляющий Сибирь с юга, и предгория Тарбагая изобилуют золотыми россыпями и серебряными рудами, и древние насельники, как видно из дошедших до нас остатков древности, прекрасно умели извлекать эти природные богатства» [Радлов 1888:I]. Данная местность обладала также медью, железом, хрусталем, кремнием [Мюллер 2003]. А это обеспечивало благосостояние Сабирского царства. Многочисленные находки кусочков украшений из стекла и плавленной руды присутствуют в этих местах, в том числе в поселке городского типа на местности Suwar. Местное население, имея драгметаллы в обилии, придавал им культовое значение. Провожая умершего в иной мир, с ним клали драгоценные вещи. Позже могилки в виде

низеньких холмиков притянули сюда бугровщиков. Как видно из дневников Д.Г. Мессершмидта, еще в начале XVIII в. здесь из рук золотоискателей можно было запросто купить драгоценные вещи, добытые из могильных холмов. Это – золотые серьги, красивый идол из желтой меди, принадлежности конской сбруи, изготовленные из золота и серебра, литый верблюд и человеческие фигуры, красивый шайтан в виде полу-зверя и получеловека из желтой меди, великолепное ожерелье, хорошо сделанное из меди изображение козла, на которого насакивает лев, остяцкий идол и т.д. [Мессершмидт 1888:9-12]. Аналогичные свидетельства начала XVIII в. находим у Лоренца Ланга, Ивана Унковского и Филиппа Страленберга. Они также на местах проживания остяков видели разрытые могильные холмы, разговаривали с бугровщиками. На вопросы, кому принадлежат эти могилы, те не могли дать определенный ответ [Радлов 1891:23-24]. Исследователи (например, С.К. Патканов [Patkanoff 1900a:271-272]) полагают, что это – остатки от более высокой культуры, чем могли иметь тогда остяки и вогулы.

Отатаривание происходило и среди других народов, соседями которых были исторические предки чувашей. Например, среди остяков. Читаем дневники Д.Г. Мессершмидта. 20 марта 1721 г.: «Прибыли в деревню, называемую *Vochea* (Бохеа). Здесь узнали от одного барабинца, что они (барабинцы) сто лет назад были одним народом с остяками и говорили на их языке. Но так как вокруг них жили одни татары, то они со временем потеряли свой язык. Свое имя “барабинцы или бараба” они имели уже тогда, но что это слово значит и почему они не называют себя остяками, он сказать не может» [Мессершмидт 2003:28]. Аналогичная ситуация у остяков между Енисеем и Ангарой. К началу XVIII в. здесь уже говорили на татарском, скомбинированном из лаак-остяцкого и тавго-самодийского. А язык татар на р. Кан, говорящих на койбал-киштымском диалекте, □ это язык собственно остяцкий [Мессершмидт 2003:30]. В.В. Радлов также считал, что тобольские иштеки – это отатарившиеся остяки [Radloff 1893:247]. А.В. Головнёв в термине *остяк* видит религиозную окраску. Он напоминает, что «вогул» на коми языке – «нечистый, неверный, язычник». Так тюрки-мусульмане звали «неверных» соседей, например, казахи – башкир и сибирских татар. «Среди сибирских татар до сих пор известен “остяцкий род” *Иштяк тогом*, отличительной чертой которого считается обладание языческими куклами» [Головнёв 2010:47]. Весьма интересно, что в Чувашской Республике есть д. Иштек. Конечно, слово чисто татарское, однако оно указывает на угорский субстрат.

У чувашей имеется очистительный обряд общесельского порядка под названием *сёрен*. Как отмечают исследователи, слово означает «изгонять». В.В. Радлов возводил его к тюркскому корню *сўр* «гнать вперед, прогонять».

Автор этих строк уже высказывался о чувашском божестве *Шилёк*. Основным материальным отображением этого персонажа является кусок полотна ткани или полотенце. О том, где и как хранится упомянутое полотенце, пока найдены сведения только у хакасов, тофаларов и удмуртов [Радлов 1907:384; Волкова 1994:384-385; 2003:319]. Хакасы и тофалары жертвенное моление совершали у березы, где устанавливали стол на четыре вилообразные ветки. Чаще всего березу выкапывали с корнем и вкапывали на месте будущего моления. Полагаю, что это исконный вариант обращения с сакральной березой. Затем ставили котел с бараниной или молоком на стол. Подняв этот стол, три раза обходили вокруг березы. Один из мужчин совершал моление. После моления к веткам дерева привязывали белые и синие лоскутки, а также аршинный холст. Кадили эти тряпки богородской травой. Затем – совместная трапеза. В конце выбирали человека, который будет молиться в следующем году. Ему передавали лоскутки, висевшие на березе. Ему же отдавали суконный кафтан молельщика и высокую шапку. Жертвоприношение хакасы и тофалары совершали в июне [Радлов 1907:363-364,381]. В удмуртском варианте ежегодно на березу вешали одно и то же полотно. Хранил его *тёрю* в «красном» (иконном) углу чердака (т.е. юго-восточном) в сундуке. Это место вообще сакрально. Восточные финно-угры хранили там фигурки своих божеств. Помнится, и моя мать в 1961 г., когда разобрала старый дом дедушки и поставила новый, попросила меня отнести икону именно туда, сказав: «Не я ставила, не мне и убирать – пусть стоит там». Перед новым праздником жена хозяина-хранителя снимала с древка холст и стирала, т.е. мы имеем дело с настоящим флагом. Затем его сушили, загородив хвойными лапками от попадания прямых лучей солнца. Такое обращение, т.е. оберегание от попадания лучей солнца, имеет не только рациональную сторону (чтобы не выцвело), но и сакральную. Так поступают, например, по отношению к телу умершего родственника. Три девушки варят кашу в *куа* хозяина *шыйлыка*. Сюда собираются все жители. Старейшины обращаются с молением к *Инмару*. Текст моления носит аграрный характер («Посеянное зерно пусть будет столь же велико, как куриное яйцо» и т.д.). Затем из соседнего дома наискосок приглашают нового хозяина *шыйлык*. «Со словами “проводим *вожшуд*” (*вожшуд* – новое [буквально – «зеленое». – А.С.] счастье) усаживают в красном углу на подушках нового хранителя и его жену. После совместной трапезы прежний хранитель *шыйлык* передает его будущему и доверяет тем самым хранить весь год счастье всей деревни. Со словами “провожаем *шыйлык*” новых хозяев под руки выводят и усаживают в сани. Мужчины впрягаются и везут их до дома. Потрапезничав в этом доме, расходятся, с собой уносят один из двух освященных караваев. Считается, что *шыйлык* побывал в каждом доме» [Волкова 1994:385]. Таким образом,

полотно/полотенце/рубаша/сурпан, оно же *шилёк/шийлык*, – это воображаемое, сакрально материализованное счастье всей деревни и, конечно, каждого дома.

Одно из трех значений слова *кёреке* связано с понятием «ковш». Согласно словарю Н.И. Ашмарина, *кёреке* «ковш» представляет собой деревянный сосуд с ручкой для пива, употреблявшийся раньше при молениях и обычно украшенный резьбой. У чагатайцев слово *корага* означало «чашку» [Радлов 1899:1251]. Более точное отношение *кёреке* к ковшу находим у Н.И. Ашмарина: «Кёреке курки – круглый ковш с длинной ручкой (для разливания пива)» [Ашмарин 1934а:279], т.е. специальный ковш, используемый в *кёреке*.

Слово *чүрече* (*кантйк*) восходит к персидскому *дариче* «маленькая дверь; оконце; форточка», где *дар* «дверь» + *-ча* – суффикс уменьшительности [Егоров 1964:328]. В разных фонетических вариантах встречается у среднеазиатских и поволжско-приуральских тюрков, а также у калмыков и марийцев. В чувашском начальное *д/т* перед гласным переднего ряда перешло в *ч*. *Кантйк* < *карйнтйк* «растягивать», ибо до появления стекла окна затягивали грудобрюшной перегородкой крупных животных [Радлов 1899:174; Егоров 1964:88; Федотов 1990:189]. В башкирском языке сохранилась история слова «окно» в виде словосочетания *карындык тэзрэ*, что значит «окно, затянутое (брюшиной)» (в чувашской речи звучало бы *кантйклй чүрече*). *Кантйк* у чувашей бытует в основном в значении «оконное стекло».

Больше всего береза у чувашей ассоциируется с божеством *Шилёк*. Как известно, во время свадьбы во дворе устраиваются столы и скамейки, где и устанавливается береза. Но следует подчеркнуть, что ее привозили, выкапывая с корнем. Этот факт при описании свадебных церемоний почти никогда не замечается. А ведь дерево без корня – это не растение. Именно выкопанное с корнем дерево использовалось, например, в д. Березовые Олгаши Сундырского района. [Ашмарин 1937б:101]. На такое дерево обязательно вешали или вышитую рубашку, или вышитое полотенце. А за столом у березы рассаживались самые почетные лица свадьбы. В общесельских ритуалах у такой березы проводились и моления. У русских девушки в четверг на Троицу шли в березовую рощу, обвивали поясом или лентой красивую березу, свивали ее нижние ветки венком и попарно целовались через этот венок. В это время года русские также на берегу реки вкапывали в землю молодую березку, вынутую с корнем, а затем вокруг нее водили хоровод. Восточные славяне Приобья в случае отсутствия березы на месте семицко-троицких гуляний ее высаживали специально [Семик 1873:407; Фрэзер 1986:133; Фурсова 1998:38]. Использование культовой березы с корнем совершенно четко зафиксировано у хакасов: «Березу выкапывают из земли, нисколько не прерывая корней» [Радлов 1907:381].

В.В. Радлов, будучи директором МАЭ РАН, внес существенный вклад в пополнение и систематизации фондов. Он вел переписки с собирателями, готовил и консультировал экспедиции, сам фиксировал поступающие предметы. В том числе имел непосредственное отношение к чувашским коллекциям.

МАЭ РАН. Отдел Европы. Коллекция 347. Поступила в 1891 г. из РГО (разные губернии России – русские, чуваша, мордва, мари). Описание составлено В.В. Радловым, последняя опись составлена И.В. Жуковской. Число №№ - 130, предметов – 190. Из них 29 предметов по чувашам.

№ 10.1: Головной убор чувашский в виде усеченного конуса, сзади с разрезом почти до верха. Убор из кожи с нашитым плотными рядами бисером. Бисер расположен по цветам (по два ряда каждого цвета: желтый, красный, голубой). После двух рядов каждого цвета помещен ряд чередующихся бусин черного и белого цвета. Две нитки желтых бус, нитки черных и белых цветов; две нитки красных бус, нитки черных и белых цветов и т.д. Всего 44 ряда. К нижнему краю пришиты спускающиеся нитки бус и бисера, укрепленные за головной убор концами ниток. Высота головного убора – 13,5 см. Диаметр сверху – 12 см. Диаметр внизу – 25 см. Возможно, этот головной убор называется *хушту*. Сохранность удовлетворительная. Место приобретения – Симбирск, 1867 г.

№ 10.2: Украшение шейное представляет собой прямоугольную полосу кожи 48 см X 6 см, плотно покрытую бисером: голубым, зеленым, красным, черным, белым, составляя определенный узор. На длинных сторонах укреплены по две подвески из бисера (одна нить с голубым бисером, вторая из зеленого, красного, белого, голубого, желтого, прозрачного бисера), на одной из коротких сторон сделаны кисти. Доставлен сотрудником Юрковым в 1867 г. из Симбирска.

№ 19.1,2: Нагрудное украшение чувашское женское (*шӱлкеме – сурпан ҫакки*) представляет собой соединение двух украшений – *шӱлкеме* и *сурпан ҫакки*. Носят зажиточные чуваша. Состоит из двух пластинок кожи, украшенных по краям бисером и чешуеобразно расположенными серебряными мелкими монетами. Верхняя часть украшения – это *сурпан ҫакки*. В середине верхней длинной стороны сделана кожаная петля, которая поверху тоже украшена бисером, а также металлической пластиной – петлей трапецевидной формы и камнем красным граненым (диаметр 0,4 см), вмонтированным в эту пластину. К металлической петле прикреплен медная булавка. С внутренней стороны на кожу нашиты петли металлические, за которые укреплялась вторая кожаная пластина, так называемая *шӱлкеме*. К ее верхней длинной стороне пришиты соответственно три крючка. Пластина украшена бисером и внизу в виде бахромы пришиты раковины-ужовки. Бисер на той и другой кожаной пластине зеленый, желтый, черный, белый, красный (белый и красный – единичные). Монеты расположены на верхней пластине в 9 рядов, на нижней – в 8 рядов. Размер: 11 X 26 см и 12,5 X 27 см. Высота пластины серебряной 2,7 см. Ширина – 1,5 см и 2,5 см. Сохранность удовлетворительная. Место приобретения неизвестно.

№ 20.1: Перевязь (*теветь*) – женское чувашское украшение, одевавшееся через левое плечо, пересекая наискось грудь и спину и заканчивалось на правом боку несколько ниже подмышки или на высоте талии. Перевязь сшита из холста с подкладкой, покрытая шелковой тканью лентой (штофом?), по краям обшита серебряным позументом, черной шелковой и бархатной лентами. Полоса шириной 9,5 см, концы ее на уровне талии на расстоянии 24,5 см сшиты. Отступая от сшитых концов на 12 см пришиты поперек бархатная, позументная ленты и полосы из зеленой и красной ткани. Тут же как бы выступая из-под них нашиты на равном расстоянии серебряные монетки с зеленой бисеринкой поверх. Та часть перевязи, которая проходит по груди, покрыта монетками чешуеобразно. В длину они занимают 31 см. По краям перевязи нашиты белый бисер и раковины-ужовки, бахрома внизу из разноцветного бисера (белого, красного, оранжевого, черного) раковин-ужовок и монет иностранных с изображением Людовика XVI (1790 г.). Около того места, где концы перевязи сшиваются (вверху) пришиты завязки – красные шелковые ленточки шириной 1,5 см, длиной по 19 см. Длина перевязи вдвойне – 75 см. Сохранность удовлетворительная. Место приобретения: Аршаш (?).

№ 20.2: Перевязь (*тевет*) из холста с подкладкой, покрыта шелковой тканью лентой (штофная?). Нагрудная часть на пространстве 17 см украшена рядами серебряных монеток (9 рядов), наспинная – раковинами ужовками, нашитыми в виде креста. Наружная сторона перевязи обшита бисером и раковинами-ужовками. К наружной стороне пришиты две ленты, сложенные предварительно складками. Они расположены на расстоянии 30 см друг от друга: одна пришита на

грудную часть в районе монеток, другая – у талии. Ленты красные шелковые (?) с зелеными полосками по краям. Ширина лент – 66 см, длина – 84 (верхняя) и 66 см (нижняя). Концы перевязи скреплены на небольшом расстоянии – 3,5 см и украшены нашитыми поверх лентами в 1,3 см шириной, выступающими одна из-под другой. Ленты шелковые – синяя, красная, зеленая длиной 17 см. Ширина перевязи – 7 см. Длина (вдвойне сложенной перевязи) – 68 см. Сохранность удовлетворительная. Место приобретения: Аршаш (?).

№ 22: Нагрудное украшение чувашское (судя по описи, принадлежность низовых чувашей, в описи названо *шүлкеме*). Это женское украшение *сурпан сакки* – пластинка кожи размером 25 X 12 см. На пластинку в четыре ряда, а внизу в два ряда нашит бисер (зеленый, желтый, черный, белый прозрачный). Все остальное пространство основы чешуеобразно заполнено мелкими серебряными монетами, расположенными в 8 рядов. В середине верхней длинной стороны сделана кожаная петля, также украшенная рядом бисера (зеленого). Сохранность удовлетворительная. Место приобретения неизвестно.

№ 23: *Хушту* – женский головной убор чуваш представляет собой полосу кумача на холщовой подкладке шириной 5,5 см и облегающей голову, шов у полосы сзади. Сзади пришит хвост шириной 6,3 – 6 см также из кумача на холщевой подкладке. По верху *хушту* отступая 0,5 см нашит бисер в 32 ряда зеленой, желтый, черный. Затем идет три ряда монет серебряных: два ряда мелких, а нижней 5-копеечные, а сзади 10-копеечные. Сзади же, по бокам от хвоста пришиты подвески, состоящие из раковины и трех зеленых бисерин (всего по 8 подвесок с каждой стороны). На хвосте 4 ряда серебряных монеток. Завязки на *хушту* из тесьмы белой 0,8 см шириной и длиной 30,5 см и 32,5 см. Высота *хушту* – 5,5 см. Окружность – 55 см. Длина хвоста – 50 см. Сохранность удовлетворительная, монетки сохранились не полностью. Место приобретения неизвестно.

№ 29.2: Перевязь. Казанская губерния. XIX в. Шерсть, металл, бисер, гарус. Ширина – 1,4 см, длина – 146 см. Сохранность удовлетворительная.

№ 36: Женский головной убор. Казанская губерния. XIX в. Холст, металлические подвески, бисер, позумент. Высота – 5, см, окружность – 68 см, длина хвоста – 30,5 см, ширина хвоста – 11 см. Сохранность удовлетворительная.

№ 92.1: *Сурпан* чувашский из тонкого холста с узкими вышитыми полосками вдоль кромок, шириной 1,5 см. Вышивка выполнена по выдергу гладью шелковыми красными нитками. Узор геометрический – ромбами. На обоих концах *сурпана* кроме полосы вдоль Кромки вышиты два ряда косых крестиков. *Сурпан* был обметан черными шерстяными нитками, но сохранилась обметка плохо. Длина *сурпана* – 2 м 39 см. Ширина – 22 см. Суд по длине, этот *сурпан* принадлежал низовым чувашам, по времени это начало XIX в. Сохранность удовлетворительная. Место приобретения неизвестно.

№ 92.2: *Сурпан* чувашский из тонкого холста с узкими вышитыми полосками вдоль кромок шириной 1,5 см. Вышивка тоже выполнена по выдергу гладью шелковыми красными нитками. Узор геометрический – ромбами. На обоих концах *сурпана* роме полосы вдоль кроки вышиты два ряда звездочек – косых крестов красными шелковыми нитками и между ними ряд звездочек вышит желтыми шелковыми нитками. Длина *сурпана* – 2 м 16 см. Ширина – 23 см. Сохранность удовлетворительная.

№ 93: Пояс женский (верховых чувашек) плетеный с многочисленными поясными украшениями. Длина пояса 153 см (без длина кистей), ширина 3 см. Пояс плетен из крученых ниток красных с добавлением шелковых желтых и золотых. Концы пояса обернуты кумачом (на длину 4,5 см) вышитыми косыми стежками параллельными и непрерывными овалами (нити шелковые, зеленые, оранжевые и простые белые). Заканчивается пояс кистями из шелковых крученых желтых ниток длиной 9 см. Застежка на поясе – большой металлический крючок и петля, укрепленные на расстоянии 34 см от конца (кисти не учитываются). К этому же медному кольцу прикреплен раковина-ужовка, на другом – медный гребешок с изображением конских голов. Длина концов 20 см, высота гребня 3 см, ширина 6 см (один крайний зуб отломан). К этому же медному кольцу прикреплены две кисточки, состоящие каждая из трех нитей черного с небольшим добавлением синего бисера, соединенных нанизанными на три нити двумя красными бусами. Через равные промежутки на три нити нанизана раковина-ужовка и по красной бусине с той и другой стороны раковины. Длина кистей – 44 см. На расстоянии 8 см сверху на эти кисти из бисера укреплен согнутый вдвое плетеный пояс из крученых красных и белых ниток, заканчивающихся кистями. Концы пояса обшиты (на длину 5,5 см) кумачом, зеленой и поверх желтой шелковой лентой, белой и черной тесьмой, тканой лентой. Длина пояса (сложенный, без кистей) – 22 см. Нижние концы вышеописанных кистей из бисера укреплены

тоже на медном кольце, к которым в свою очередь прикреплены нитка (сложенная вдвойне) бус красных с добавлением синих и по две белых. Заканчиваются концы бус раковинами-ужовками. К этому же кольцу прикреплен пояс, сложенный вдвое так же, как и на кистях из черного бисера (см. выше). Длина данного пояса (вдвое, без кистей) – 26 см, ширина – 1,7 см.

№ 98: *Сурпан сакки* – чувашское нагрудное украшение, прикреплялось к *сурпану* в том месте, где он охватывал подбородок и шею спереди. Данное *сурпан сакки* имеет форму треугольной кожи, на которую сверху пришито украшение *сестенкё* из меди, имеющее форму равнобедренного треугольника с кольцом наверху. Вокруг *сестенкё* нашиты в три ряда красный бисер. Ниже бисера нашит ряд бляшек серебряных овальной формы (12 шт.); серебряные монеты (10 шт.) Елизаветинского времени (1745-1752 гг.); состоящие из 6 гривенников и 4 полтинников. Монеты серебро, проба 800. Вес 62,7 гр. Размеры: длина 11 см, наибольшая ширина – 11,3 см. Сохранность удовлетворительная. Место приобретения неизвестно.

№ 100: Украшение чувашское (?) на шею из бисера, бус, раковин, монет. На концах подвесок монеты – 21 шт. Одна монета достоинством 10 коп. 1847 г. СПб., остальные старые монеты времен Елизаветы и Екатерины. Серебро, проба – 750. Размеры- диаметр: 17 мм – 1 шт., 19 – 6 шт., 20 – 1 шт., 23 – 9 шт., 25 – 4 шт. Сохранность удовлетворительная. Место приобретения неизвестно.

№ 102: *Сарй хўре* (хвост) – принадлежность женской одежды низовых чувашек. В коллекции один хвост, а носились они по две пары сбоку или сзади чувашками низовых и *анат енчи*. Данный *сарй хўре* представляет собой разрезанный надвое короткий пояс, наложенный слегка один на другой и скрепленный между собой. Верху пришит тонкий пояс из кумача, внизу пришита бахрома из крученых ниток (красных с добавлением синих и зеленых). *Сарй хўре* шит из холста, по краям обшит кумачом, середина вышита двусторонней гладью шелковыми нитками и бумажными. Нитки красные (преобладающий цвет), оранжевые и голубые. Орнамент геометрический. Длина (без кистей) – 23,5 см. Длина (с кистями) – 33 см. Ширина сверху и внизу – 8 и 9 см; 15 и 16 см. Длина пояса узкого – 110 см. Сохранность удовлетворительная. Место приобретения неизвестно.

№ 117: *Сарй* (набедренник) – женское украшение представляет собой кумач с прокладкой из картона прямоугольной формы размером 16,2 X 9 см. К верхней короткой стороне по углам пришиты петли из ткани коричневой шерстяной (ширина ткани 3,3 см, высота (вдвое) 6,4 см). В петли продета узкая белая х/б тесьма длиной 44 см, шириной 1 см. Поверхность *сарй* покрыта вышивкой косым стежком шелковыми нитками черными, голубыми, оранжевыми. Узор геометрический – ромбы. Между вышивкой нашиты голубые шелковые лены 1,3 см шириной и поверх позумент. По боковым, длинным сторонам нашиты розовые шелковые ленты 15 см шириной. На нижнюю короткую сторону нашиты несколько рядов лент, выступающие одна из-под другой (в виде лесенки). К концу *сарй* пришита бахрома из бисера и цепочек с монетками на концах, из черного шелкового шнура, обернутого на равном расстоянии небольшими оловянными (?) пластинками; на углах бахромы из лент розовой, зеленой, голубой. Бисер желтый, красный, зеленый, черный, белый, прозрачный, голубой (преобладает зеленый и желтый). Длина бахромы 7,5 см. Сохранность удовлетворительная. Место приобретения неизвестно.

№ 127: Трубка курительная. Казанская губерния. XIX в. Дерево, медь. Сохранность удовлетворительная.

№ 129. Бирка чувашская деревянная не совсем правильной прямоугольной формы. На одной из боковых сторон (на неровной стороне) вырезано верху «X» и ниже «XXXXXIIIИИИ». На одной из плоских сторон около отверстия вырезано «X». Длина – 35 см. Ширина – 7; 4,5 см. Толщина – 1,6; 1,5 см. Сохранность удовлетворительная. Место приобретения неизвестно, поступила от В.И. Андреевского в 1878 г.

№ 130.1-10: Куклы из тряпок. Сохранность удовлетворительная. Х/б ткань, солома. Примечание: «возможно, это иерехи». Высота: от 6 см до 8,5 см.

Коллекция 1040. Поступила в 1906 г. из Бузулукского уезда Самарской губернии от крестьянина Тимофея Егоровича Завражнова. Одежда и культовые предметы. Число №№ - 19, предметов – 32. Мордва и чуваша. Опись составил Б.Э. Петри. 5 предметов по чувашам.

№ 11а,в,с: а) *Ирик*, по-чувашски *по кчи* [*пахчи*, т.е. находящийся в огороде?]. Ставится в огороде, привешивается в балагане или шалаше. Требуется в жертву утром и вечером масляные лепешки. Оригинал из гипса, сверху бронзирован (тем. Краской). Если человек намочит ириха, то он завещает свою в шапку для жилья *ирику*. Божество женское. В случае, если огурцы не цветут, капуста не дает кочку, люди просят помощи у *ирика*. Сам *ирик* питается зеленью, но от хозяина

огорода требует лепешек. Он боится холода, поэтому его кладут в с) теплый мех (мех безразличен) (251 X 8 см). Д. Подколки. Утеряно.

№ 12а,в: *Ирик-кереметь*. Из с. Яшкино. В старину на молитву сходились к роднику и приносили с собой ирика. Обыкновенно он подвешивается в овине и амбарах. Это божество женское, означает плодородие, поэтому беременные женщины молятся ему, посасывая иногда груди или целуя живот. Материал, из которого изготавливают ирик – гипс (бронзированный), дерево или иногда делают из металла (литье). Жертвой служит мука. Высота – 16 см. Сохранность удовлетворительная.

№ 13а,в,с: Из с. Яшкино. *Ирик – мочуар* – охранитель скота. Требует в жертву творожные ватрушки. *Ирик – мужской*. Делается литой (даже из серебра), гипсовый, деревянный. В одном месте существует очень ценный почитаемый *ирик* из серебра вызолоченный – ему совершают общественные моления. Обыкновенно И. подвешивают в темном месте в конюшне, особенно в месте, где ночуют коровы. *Ирик* любит принарядиться. Он будто говорит: «Люблю форситься», поэтому его одевают в бумажную цветную и нарядную одежду. Из скота особенно он любит козлов и ватрушки из козьего творога. Иногда для него держат специально козла. Цвет *ирика* по усмотрению хозяина. Держат его в суме, завернутым в цветную матерью. Высота 12,5 см. Сохранность удовлетворительная.

№ 14а,в(2),с: *Ирик*. Из с. Пронькино. Вешается в бане, пока парятся, поэтому приносят с собой. В руках у *ирика* кувшин и веник. Материалом служит глина, гипс, дерево. Он мужчина. *Ирик* помогает от болезней: шелудивости, чахотки. Его прикладывают обыкновенно к венику, также к изображению веника в его руках прикладывают веник, которым парятся. Он требует в жертву гуся, вообще он любит полакомиться. При жертвоприношении кости гуся бросают в воду. Гуся режут в бане, приглашая *ирик* принять в трапезе участие; гуся съедают, а кости бросают в воду. *Ирика* зовут *Хурды*. Жилищем ему служат пара лаптей: он приверженец старины и ненавидит сапог. Поэтому люди, особенно приверженные этому *ирику*, не носят сапог. Лапти привешивают к веревкам из кожаных ремней или конского волоса (раньше из человеческого волоса) – помогает от головной боли. Одевание безразлично, он не требует хорошей одежды, т.к. уважает своих хозяев. Высота 16 см. Сохранность удовлетворительная.

№ 15а,в,с: *Ирик* – леший (Кархимень-ворман). Из д. Березовка. На жертву требует барана. Также в жертву могут идти: барсуки, суслики, медведи, волки. Когда охотник отправляется на охоту, то просит *ирика* об удаче и кланяется ему. Вешают его обыкновенно на дубовый сук. Дома он находится в амбаре. Если ему не молиться, то он может заставить человека заблудиться. Жертвой ему служат шкурки хорька, суслика. На груди имеются изображения деревьев. Он голый, с большим penis'ом, т.к. в старину он был большой охотник до женского пола (ярун) и гонялся за девками и бабами. Шапка его из самого дорогого зверя. Материалом служит дерево, гипс, а в случае удачи на охоте делают серебряные, позолоченные изображения. Его берут с собой, когда отправляются на охоту, но на самую охоту его не берут, а донеся до лесу и помолвившись, несут домой, несущий должен быть холостым. Хранят *ирика* или в медвежьей лапе или в сурковом или сусликовом меху. Ремни, которыми лапа привешивается – из коноплян. веревок, которые обмазывают кровью барана. Лапа настоящая, привезена из Пензенской губ. в старину. Медвежья лапа, потому что в ней большая сила. Высота фигурки 17 см. Сохранность удовлетворительная.

Учитывая заслуги собирателя Т.Е. Завражнова перед Академией наук, его решили поощрить. 6 сентября 1906 г. состоялось заседание Историко-филологического отделения Императорской Академии наук. Присутствовали вице-президент академик П.В. Никитин, непременный секретарь академик С.Ф. Ольденбург, академики Отделения. В § 184 Протокола № IX, в частности, читаем: «Академик В.В. Радлов довел до сведения Отделения, что крестьянин Самарской губернии Бузулукского уезда, Старотепловской волости, села Новой Тепловки, Тимофей Егорович Завражнев представил в дар Музею антропологии и этнографии имени императора Петра Великого весьма ценную коллекцию чувашских идолов и костюмов, собранным им со знанием дела. Считая полезным

поощрить его для дальнейшей работы в интересах этнографии и Музея, академик В.В. Радлов просил ходатайства Отделения о вознаграждении его большой серебряной медалью на шею.

Положено сообщить об этом Правление для возбуждения соответствующего ходатайства» [РАН, ф. 1. Оп. 1а (1906). 153:353]. Было ли ходатайство исполнено – неизвестно. Об этом пока бумаги не найдены. Сохранилось письмо самого собирателя на имя академика В.В. Радлова. Его входящий № 91, зафиксировано оно 21 ноября 1906 г. Вот текст письма: «Милостивый Государь Василий Васильевич! Как Вам уже известно, я Вам представил в музей Императора Петра Великого некоторые коллекции и при которых Вы кратко просили меня представить Вам еще самых древних и по возможности Ирихов, при этом уведомляю Вас, что я в настоящее время нахожу вещей в среде чуваш очень даже редкостных, но только очень трудно их достать и требуют за них большое вознаграждение, да еще проездка очень дорога, т.е. более рубля на день, так как вероятно Вам самим известно что в наших местностях большой неурожай <неразб.> скот наших <неразб.> Правительство так, вот если же Вам нужны вещей и чтобы я их собирал, то прошу благоволите прислать на первый случай на сбор вещей средства по Вашему усмотрению. Остаюсь навсегда покорный Ваш слуга [Подпись].

Адрес: Бузулук Сам. губ. в Старо Тепловскую волость, с. Ново Тепловка Тимофею Егорову Завражному» [РАН, ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.). 58:114-115].

В данном документе имеется одна любопытная деталь. Лист содержит четыре разных подчеркивания. Это – 1) дата поступления письма, 2) входящий № письма, 3) текст письма и 4) подпись. Текст письма и адрес написаны одним, более-менее грамотным для сельской местности человеком. А вот подпись, несомненно, самого собирателя. И в подписи, и в адресе фамилия собирателя читается четко: «Завражнов». Таким образом, вопреки тому, что во всех исследованиях, а также в самой описи поступившей коллекции значится «Завражнев», фамилия собирателя была «Завражнов», т.е. вместо «е» следует читать «о».

Тем не менее, больше, видимо, Тимофей Егорович в МАЭ РАН вещи не присылал. Зато имеются его коллекции в РЭМ. В чем причина – предстоит еще понять.

К сожалению, научной общественности ничего не известно о судьбе рукописи В.В. Радлова “Über den Einfluß der Religion auf die Völker Asiens”. Этот труд он защитил в 1858 г. в Йенском университете в качестве диссертации на степень философии. Как писал В.В. Бартольд, «экземпляров этой диссертации нет в Петрограде; не установлено даже, была ли она вообще напечатана» [Бартольд 1977:671]. Сам диплом хранится в архиве [РАН, ф. 177, оп. 3. 63]. Не сомневаюсь, и здесь им был использован чувашский материал.

«Образцы чувашской народной словесности». 1915 г. следует считать началом непосредственных приготовлений на уровне РАН к изданию труда «Образцы народной словесности чувашей» в формате «Образцов народной литературы тюркских племен». В качестве основного исполнителя В.В. Радлов видел своего казанского друга, видного чувашевода Н.И. Ашмарина, тогда работавшего преподавателем Казанской учительской семинарии. 9 января 1916 г. состоялось заседание Историко-филологического отделения Императорской академии наук. Академик В.В. Радлов докладывал о ходе подготовки издания: «После продолжительного и тщательного обсуждения с Н.И. Ашмариным составленного им и прилагаемого при сем проекта издания “Образцов чувашской народной словесности” и алфавита, которым должны печататься чувашские тексты, представляю этот проект Отделению с просьбой утвердить его. Вместе с тем покорнейше прошу возместить Н.И. Ашмарину расходы его по поездке в Петроград и двухнедельному пребыванию здесь в размере 250 руб., так как от Министерства народного просвещения он никакого пособия не получил и приехал сюда по вызову Академии» [РАН, ф. 1, оп. 1а. 163, § 327]. На заседании Отделения 23 марта 1916 г. академик В.В. Радлов представил просмотренный им отзыв Н.И. Ашмарина о рукописи И.Н. Юркина «Народное творчество чувашей». Академик указал на некоторые недостатки труда, требующие тщательного пересмотра рукописи перед сдачей ее в печать. Он также счел желательным издать его как первый том серии «Образцы народной словесности чувашей». Наблюдение над печатанием Василий Васильевич взял на себя вместе с Н.И. Ашмариным. Отделение решило после пересмотра рукописи И.Н. Юркина печатать ее как первый том серии «Образцы народной словесности чувашей» в формате и числе экземпляров серии «Образцы народной словесности якутов». Отделение признало желательным ходатайствовать о командировании Н.И. Ашмарина из Казани в Петроград и попросило академика В.В. Радлова выяснить лично у министра Министерства народного просвещения возможность такой командировки. 20 апреля 1916 г. академик Василий Васильевич на очередном заседании Отделения доложил, что министр Министерства народного просвещения утвердил командировку преподавателя Казанской учительской семинарии Н.И. Ашмарина. 18 июля товарищ министра А.К. Рачинский утвердил, что Министерство предложило Попечителю Казанского учебного округа командировать преподавателя Казанской учительской семинарии Н.И. Ашмарина в Петроград, на время до начала учебных занятий в семинарии, для участия в разработке собранных Академией наук материалов по народной словесности чувашей. Однако 26 августа Департамент Министерства народного просвещения уведомил, что Н.И. Ашмарин лишен возможности принять участие в разработке собранных Академией материалов по народной ловесности

чувашей, т.к. Казанский военный округ не разрешает ему, как военному цензору, отпуск в Петроград. Тогда Отделение РАН предложило снести с военными властями о разрешении Н.И. Ашмарину выехать в Петроград для занятий под руководством академика В.В. Радлова. 12 октября Отделение получает из Казани телеграмму, что цензору Ашмарину разрешен месячный отпуск. Телеграмму подписал генерал штаба Казанского военного округа Добрышин. 9 ноября 1916 г. состоялось очередное заседание Отделения исторических наук и филологии РАН. В.В. Радлов присутствовать на этом заседании не смог. Было зачитано его сообщение. В нем, в частности, говорилось, что он долго и тщательно обсуждал с Н.И. Ашмариным составленный им проект издания «Образцов чувашской народной словесности». Проект прилагался, а В.В. Радлов просил его утвердить. Он также просил возместить Н.И. Ашмарину расходы по поездке в Петроград и двухнедельному пребыванию здесь в размере 250 рублей, т.к. от Министерства народного просвещения он никакого пособия не получил, а приехал сюда по вызову Академии наук. Отделение решило иметь суждение на следующем заседании. Было также решено напечатать проект в приложении к протоколу, Н.И. Ашмарину выдать 250 рублей. Действительно, печатная записка Н.И. Ашмарина об издании чувашских текстов в приложении к протоколу от 9 ноября 1916 г. имеется.

Приведу текст записки с сокращениями:

«По моему мнению, издание образцов чувашской народной словесности, предположенной Академией наук, могло быть выполнено следующим образом.

Прежде чем приступить к систематическому собиранию произведений народного творчества на местах, было бы полезно издать уже имеющиеся налицо записи на чувашском языке, заключающие в себе описания чувашских религиозных верований и обычаев, а также различные виды словесных произведений: пословицы, поговорки, прибаутки, загадки, приметы, толкования снов, сказки, поверья, описания обрядов, песни и пр. Такого рода записи имеются у меня в значительном количестве; некоторые из них были сделаны мною лично во время моих немногочисленных поездок по чувашским селениям, большая же часть их была доставлена мне различными лицами, относившимися сочувственно к моей работе в области исследования чувашского языка. Материал, заключающийся в этих рукописях, весьма неодинакового качества, так как авторы их не были одинаково сведущи не только в тех вещах, о которых они писали, но и в своем родном языке. Точно так же во всех имеющихся у меня записях следует предполагать более или менее сильное влияние чувашского литературного языка, т.е. так называемого низового наречия, на котором печатаются книги для чуваш и совершается богослужение в чувашских приходах. Это влияние книжных образцов должно было отразиться как на морфологии и словаре рукописей, так и на их синтаксисе, в особенности же на их фонетике. Книжный чувашский язык развился преимущественно из «укающих» говоров Буинского уезда, и принятая для него азбука непригодна для точной передачи звуков более северных говоров, для которых в ней недостает некоторых букв; напр., она не имеет буквы для обозначения звука *o*, который часто заменяет в говорах верховых чуваш низовое *у*. Вследствие этого обстоятельства особенности языка отдельных чувашских местностей нередко при записи теряются, и речь изменяется искусственно на низовой лад.

Часть записей сделана более точно; эта точность выражается в том, что их авторы сохраняют в большей неприкосновенности диалектические формы и слова, а также стремятся к более верной передаче отдельных звуков, последнее, впрочем, преимущественно касается звука *o*, который они и

обозначают особою буквою, не имеющеюся в чувашской азбуке. Иногда замечается попытка передавать и другие звуки, чуждые буинским говорам.

Несмотря на указанные недостатки, упомянутые здесь записи, по моему мнению, заслуживают внимания, так как многие из них содержат в себе ценный материал, собрать который вновь было бы в некоторых случаях совершенно невозможно, ибо многое из того, что записано 20 или 30 лет тому назад, уже исчезло из народной памяти и возобновлено быть не может. Едва ли нужно говорить о том, что среди записей могут встретиться и такие, которые не имеют никакой ценности; подобные записи могли бы быть оставлены в стороне.

Издание уже собранных до сих пор материалов могло бы значительно облегчить задачу дальнейшего собирания произведений народного творчества чуваш, так как дало бы собирателю возможность ориентироваться среди множества чувашских говоров, наметить себе отдельные пункты для записывания нового материала и выделить то, что заслуживало бы особого внимания.

Многие из рукописей безымянные и не имеют в себе пометки о месте записи; на других обозначены только имена и фамилии собирателей или авторов; на третьих вместе с именем и фамилией указана и родина писавшего; на четвертых обозначены точно как имена и фамилии авторов, так и место записи...

Порядок расположения материала в сборнике мог бы быть, например, следующий: 1) Пословицы и поговорки. 2) Присловье и прибаутки. 3) Загадки. 4) Приметы. 5) Толкование снов. 6) Легенды. 7) Рассказы о сверхъестественных существах. 8) Суеверные рассказы о живой и мертвой природе. 9) Суеверные рассказы из жизни людей. 10) Сказки. 11) Предания. 12) Описания религиозных верований. 13) Рассказы о йомзях. 14) Заговоры и описания способов лечения болезней. 15) Очерки из жизни и быта чуваш. 16) Песни.

Что касается собирания и издания новых материалов по языку и народной литературе чуваш, то эта работа могла бы быть выполнена в порядке топографического распределения чувашских говоров, начиная с "укающих", южных, и кончая "окающими", северными...

Чувашские записи, заключающиеся в рукописях, должны быть изданы с сохранением их транскрипции, но с исправлением явных ошибок; что касается записывания нового материала на местах, то в этом случае была бы весьма полезна система транскрипции, выработанная мною вместе с академиком В.В. Радловым. Эта транскрипция, при всей своей точности, отличается от общепринятой лишь прибавлением буквы *o* для верховых говоров и употреблением некоторых надстрочных и подстрочных знаков, благодаря которым может читать правильно по-чувашски даже тот, кто никогда не слышал живой чувашской речи...» [РАН, ф. 1, оп. 1а (1916). 163:208-210].

23 ноября 1916 г. состоялось XIV заседание Отделения. В.В. Радлов не присутствовал. А от имени также отсутствующего академика К.Г. Залемана доложено его мнение, что записка Н.И. Ашмарина дает повод к некоторым замечаниям как по способу издания текстов, так и по транскрипции. Поэтому он просил не выносить окончательное постановление, а учредить особую комиссию. Исходя из таких соображений, Отделение решило иметь суждение по поводу издания «Образцов народной словесности чувашей» на одном из следующих заседаний.

На заседании Отделения исторических наук и филологии РАН 11 января 1917 г. было решено выделить на подготовку чувашских текстов в распоряжение академика В.В. Радлова 400 рублей. В Архиве РАН хранится рукописное отношение В.В. Радлова в Правление Академии наук. В нем он, в частности, писал: «Покорнейше прошу сделать распоряжение выслать в город Казань двести рублей на имя преподавателя Казанской учительской семинарии Ник. Ив. Ашмарина из суммы 400 руб. <неразб.> ных в мае распоряжение для подготовки к печати текстов чувашской народной литературы» [РАН, ф. 177, оп. 3. 24:56]. Письмо составлено на бланке МАЭ, на нем отсутствует дата. Видимо,

оно написано между 11 и 25 числами января 1917 г. 25 января 1917 г. Отделение опять рассматривал ход подготовки к изданию чувашских текстов. Однако это было последнее заседание, посвященное рассматриваемому вопросу. Василий Васильевич, тем не менее, постоянно снабжал Н.И. Ашмарина нужной литературой. Например, в письме от 28 января 1917 г. С.Е. Малов из Казани писал В.В. Радлову: «Виделся с Ник. Ив. Ашмариным, передал ему Ваши книги» [РАН, ф. 177, оп. 2. 161:9об.]. Не оставались в долгу Н.И. Ашмарин и другие чувашские авторы перед В.В. Радловым. Они снабжали его местными изданиями. Некоторые из них сохранились в библиотеке МАЭ РАН.

Н.И. Ашмарин все еще полагал, что академическое издание чувашских текстов по народной словесности вскоре увидит свет. Вот его письмо к В.В. Радлову от 4 мая 1917 г. В нем он детально излагает ход работы.

«Глубокоуважаемый Василий Васильевич!

Весьма извиняюсь, что до сих пор Я ничего не писал Вам о ходе своих работ по подготовке чувашского материала. До сих пор мне удалось сделать очень немного, потому что утомительные занятия в цензуре почти не оставляли времени для другой работы. Теперь я несколько освободился; осталась только цензура писем, а цензура газеты прекратилась. Я очень желал бы получить программу для печатания чувашских текстов, которая была нами выработана в Петрограде, а также узнать, можно ли пока ограничиться одним приведением в порядок материала, или же параллельно с ним следует немедленно готовить и переводы. Весь чувашский материал приходится переписывать набело, так как отдавать подлинники в типографию, это значит совершенно испортить их; да они и неудобны для пользования, ибо по большей части переплетены и частью неразборчивы. Часть текстов дана мне лишь для пользования. Возможно, однако, что некоторые рукописи будут сданы в печать не переписанными; это – те из них, которые хорошо написаны и не содержат в себе редких материалов. Сердечно благодарю Вас за присланные книги и просил бы прислать мне Ваш словарь и тексты, если это окажется возможным. Из денег, исхлопотанных на издание, хорошо было бы получить на первое время около 100 рублей: без переписчика я едва ли обойдусь.

Преданный Вам Н. Ашмарин» [РАН, ф. 177, оп. 2. 12:1].

И Василий Васильевич, будучи болен, делал все, что мог. Так, в 1918 г. по его ходатайству Отделение рассматривало вопрос о выделении сумм на подготовку изданий чувашских текстов [РАН, ф. 1а (1918). 165]. Однако В.В. Радлов продолжал болеть, а вскоре его не стало. Да и молодой Советской Республике было не до чувашских текстов по народной словесности [Федотов 1982:80-82; Салмин 1984:3]. Так на этапе подготовки к изданию «Образцов чувашской народной словесности» оборвалось детище академика В.В. Радлова по выпуску серии «Образцов народной литературы тюркских племен».

К сожалению, рукопись «Образцов чувашской народной словесности» в том виде, в каком ее рассматривал В.В. Радлов, не сохранилась. Во время войны упакованные бумаги с чувашскими текстами видели сотрудники Азиатского музея под лестницей. Возможно, это были как раз те рукописи. В РГИА имеются бумаги, поливающие свет на следы рукописей И.Н. Юркина, составлявшие основную часть текстов, представленных Н.И. Ашмариным В.В. Радлову. Например, среди рукописей, поступавших в Главное

управление по делам печати для разрешения к напечатанию, хранятся переписки о представленных И.Н. Юркиным текстах. 1888 г.: «Крестьянин д. Бюрганы Буинского уезда Иван Юркин (проживающий в Симбирске, Саратовская ул., дом Матвеева), представил в СПетербургский цензурный комитет рукопись песен на чувашском языке «Съвьсем». Не имея в составе своем лиц, знакомых с чувашским языком, СПетербургский цензурный комитет имеет честь представить рукопись на усмотрение Главного управления по делам печати» [РГИА, ф. 776, оп. 20. 996:35]. Также известно, что далее бумаги И.Н. Юркина последовали в Академию наук (л. 3б). «Рукопись на чувашском языке крестьянина Буинского уезда И. Юркина была, по определению Историко-филологического отделения Академии наук 25 августа [1888 г.], передаваема для рассмотрения академику Радлову, который, в заседании того же Отделения 11 сего октября, представил о ней свое донесение» [РГИА, ф. 776, оп. 20. 996:80]. 25 октября начальник Главного управления по делам печати Е.М. Феоктистов на основе отзыва В.В. Радлова дает свое заключение в Санкт-Петербургский цензурный комитет: «Вследствие представления за № 969, возвращая при сем рукопись песен на чувашском языке “Съвьсем”, И. Юркина, Главное управление по делам печати уведомляет Цензурный Комитет, что к напечатанию означенной рукописи со стороны Главного управления препятствий не встречается» [РГИА, ф. 776, оп. 20. 996:81].

В январе 1915 г. от и.о. Непременного секретаря АН В.В. Радлову поступает письмо следующего содержания:

«Господину академику В.В. Радлову.

Потомственный почетный гражданин Иван Николаевич Юркин (Симбирск, Ярмарочная площадь, 97) обратился в Академию со следующим представлением от 31 декабря 1914 года:

“Представляемая при сем для напечатания рукопись на чувашском языке под названием “Народное творчество чуваш”, имею честь покорнейше просить Академию наук в получении как этой рукописи, так равно и другой, под названием “Тюркские элементы в русском языке до татарского нашествия”, представленной мною 16 декабря в Академию, меня уведомить. Рукопись представляю без перевода, так как я недостаточно владею русским литературным языком.

Вместе с сим осмеливаюсь покорнейше просить Академию наук, не найдет ли она возможным в виду крайней моей бедности, как обремененному большим семейством, помочь мне сколько-нибудь материально. Летом предполагаю приняться за переписку народных песен, которых у меня до двух тысяч. Жду ответа”.

Положено передать рукопись “Народное творчество чуваш” академику В.В. Радлову с просьбою дать заключение и сообщить И.Н. Юркину, что другая его рукопись поступила по принадлежности во II Отделение Академии» [РАН, ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.). 39:37].

Кстати, именно эта рукопись И.Н. Юркина («Народное творчество чуваш», датированная 1914 годом, имеет 108 листов) выявлена автором этих строк в архиве Института восточных рукописей [АИВР, р. II, оп. 4. 21/264]. Значит, в частности, именно ее получил и рассматривал В.В. Радлов и, видимо, отобрал для помещения в издание «Образцов народной словесности чувашей». В рукописи 5 частей: загадки, пословицы,

народные приметы, мелкие жанры, чувашская музыка. Остальные рукописи, определенные для «Образцов народной словесности чувашей», пока не определены. Полагаю, что их следует искать в фонде члена-корреспондента РАН Н.И. Ашмарина в научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук. В этом же фонде имеются рукописи И.Н. Юркина.

Выводы. Вклад академика РАН Василия Васильевича в чувашеведение трудно переоценить. Основные направления, на которые он обращал особое внимание, это – лингвистика, этнография и музейное дело. В.В. Радлов подготовил монографию о древнечувашском языке на немецком языке, однако не успел собрать его под единый переплет. Под его научным руководством также был подготовлен очередной том из серии «Образцы народной литературы тюркских племен» под названием «Образцы чувашской народной словесности». Однако публикация была сорвана из-за смерти В.В. Радлова.

Особенно ценны его наблюдения в области этимологии, исконных корней чувашского языка, фонетики, лексикологии. Не объяснены и не нашли откликов его мысли о том, что чуваша – народ не тюркский, а тюркизированный. Создается такое впечатление, якобы наши историки и филологи или не читали Радлова, или пытаются не замечать. К сожалению, идеи пантюркизма преобладают и по сей день.

Его исследования по тюркским народам ценны и в сравнительном плане. Например, еще не востребованы тексты и исследования по остякам, хакасам и тофаларам, которые проливают непосредственный луч на сюжеты чувашских традиционных обрядов и верований.

Источники и литература

АИВР (Архив Института восточных рукописей), **р. II, оп. 4. 21/264** – Юркин И.Н. Народное творчество чуваш. 1914 г. – 108 л.

Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Вып.1. – Казань: Наркомпрос ЧАССР, 1928. – 335 с.; Вып. VII. – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1934а. – 336 с.; Вып. XIV. – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1937б. – 336 с.

Бартольд В.В. Сочинения. Т. IX: Работы по истории востоковедения. – М.: Наука, 1977. – 967 с., карты.

Большаков О.Г. Примечания //Ал-Гарнати Абу Хамид. Путешествие в Восточную и Центральную Европу (1131-1153 гг.). – М.: Гл. ред. восточ. лит., 1971: 62-83.

Волкова Л.А. Земледельческая культура удмуртов: (вторая половина XIX – нач. XX в.) – Ижевск: УИИЯЛ, 2003. – 385 с., ил.

Волкова Л.А. «Шийлык» – обряд аграрного культа удмуртов //История и культура Волго-Вятского края (К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии). – Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, 1994: 384-386.

Головнёв А.В. Этюд из угорской этноистории //Этнокультурное наследие народов Севера России. – М.: ИЭА РАН, 2010: 41-55.

Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. – 355 с.

Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России: Дооктябрьский период. – Л.: Наука, 1982. – 360 с.

- Куник А.О** родстве хагано-болгар с чувашами по славяно-болгарскому Именнику //Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. 1. – СПб.: 1878: 118-161.
- МАЭ РАН. Отдел Европы. Коллекция № 347.** Поступила в 1891 г. из РГО (разные губернии России – русские, чувашаи, мордва, мари). Опись составлена В.В. Радловым. Последняя опись составлена И.В. Жуковской. Число №№ - 130, предметов – 190. Из них 29 предметов по чувашам.
- МАЭ РАН. Отдел Европы. Коллекция № 1040.** Поступила в 1906 г. из Бузулукского уезда Самарской губернии от крестьянина Тимофея Егоровича Завражнева. Одежда и культовые предметы. Число №№ - 19, предметов – 32. Мордва и чувашаи. Опись составил Б.Э. Петри. 5 предметов по чувашам.
- Мессершмидт Д.Г.** Дневник путешествия из Тобольска через Тару, Томск и дальше в Сибирском государстве //Исторический архив. 2003. № 2: 25-40.
- Мессершмидт Д.Г.** Извлечения из путевого дневника //Радлов В.В. Сибирские древности. Т. I, вып. 1. – СПб.: Тип. Имп. АН, 1888: 9-19.
- Мухамадиев Азгар.** Об этнонимах «сувар» и «чуваш» //Время Булгар. Казань, 2011. № 1 (3): 36-37.
- Мюллер И.Б.** Нравы и обычаи остяков. – Ханты-Мансийск: Адм. губ. ХМАО, 2003. □ CD-R.
- Радлов В.В.** Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. IX: Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собр. и пер. Н.Ф. Катановым: Перевод. – СПб.: Имп. АН, 1907. – VI, 659 с.
- Радлов В.В.** Опыт словаря тюркских наречий. Т. I.– СПб.: Тип. АН, 1893. – 1914, 66 с.; Т. II. 1899. – 1814, 64 с.; Т. III 1905. – 2204, 98 с.; Т. IV. 1911. – 2230, 107 с.
- Радлов В.В.** Сибирские древности. Т. I, вып. 1. – СПб.: Тип. Имп. АН, 1888. – IV,40,20 с., 6 л. табл.; Т. I, вып. 2. – СПб.: Тип. Имп. АН, 1891. – С. 41-80,1-52, XIV табл.
- РАН** (архив Санкт-Петербургского филиала РАН), **ф. 1, оп. 1а (1906). 153** – Протоколы заседаний общего собрания Императорской Академии наук. 1906. – 326 л.
- РАН, ф. 1, оп. 1а (1916). 163** – Заседания Отделения исторических наук и филологии. VI, VII, X-XIV.
- РАН, ф. 1, оп. 1а (1918). 165** – О выделении сумм на подготовку изданий чувашских текстов.
- РАН, ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.). 39** – Выписки из протоколов заседаний общего собрания МАЭ и Историко-филологического отделения АН, относящихся к Музею. – 76 л.
- РАН, ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.). 58** – Письма, полученные МАЭ РАН. 1906-1908 гг. – 405 л.
- РАН, ф. 177, оп. 1. 30** – Радлов В.В. Alttürkische Studien VII. Фонетика, морфология и заключение. II-я редакция. На немецком языке. 1916 г. – 97 л.
- РАН, ф. 177, оп. 1. 107** – Радлов В.В. Смешанный словарь на карточках. Б.д. – 2888 л.
- РАН, ф. 177, оп. 2. 12** – Радлов В.В. Переписка с Н.И. Ашмариным. 1917 г. – 1 л.
- РАН, ф. 177, оп. 2. 161** – Радлов В.В. Переписка с С.Е. Маловым. 1910-1917 гг. – 9 л.
- РАН, ф. 177, оп. 3. 24** – Радлов В.В. Выписки из заседаний Историко-филологического отделения Академии наук и официальные письма по вопросам, связанным с его деятельностью в Музее. 1885-1917 гг. – 61 л.
- РАН, ф. 177, оп. 3. 63** – Диплом Йенского университета о присуждении степени доктора философии В.Ф. Радлову. 1858 г. – 1 л.
- РГИА** (Российский государственный исторический архив, СПб.), **ф. 776, оп. 20. 996** – О рукописях, поступивших в Главное управление по делам печати для разрешения к напечатанию. 1888 г. – 85 л.
- Салмин А.К.** Пёр алсыру историйё //Коммунизм ялавё. 1984, май, 12.
- Семик** //Иллюстрированная неделя. – СПб., 1873: 407.
- Федотов М.Р.** Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. – Саранск: Изд-во Саратов. ун-та, 1990. – 336 с.
- Федотов М.Р.** Записка Н.И. Ашмарина об издании чувашских текстов //Советская тюркология. 1982. № 6: 80-82.
- Федотов М.Р.** Паллă тѣпчевсѣ сыравѣ //Ялав. 1982а. 8 №: 30-31.
- Фрзэр Джеймс Джордж.** Золотая ветвь: Исследование магии и религии. – М.: Политиздат, 1986. – 704 с.
- Фурсова Е.Ф.** Семицко-троицкие обычаи и обряды восточных славян Приобья второй половины XIX – 30-х годов XX в. //ЭО. 1998. № 3: 35-47.
- Patkanoff S.** Über das Volk der Sabiren //Keleti Szemle. I. Budapest, 1900a: 258-277.

Radloff Wilhelm. Aus Sibirien: Lose Blätter aus meinem Tagebuche. Bd. 1. – Leipzig: T.O. Weigel Nachfolger, 1893. – V, 536 S., die Karte.

Radloff W. Phonetik der Nördlichen Türksprachen. – Leipzig: T.O. Weigel, 1882. – XLV, 320 S.